

Елена Щетинина

Иллюстрации Елены Станиковой

Вас много, а я одна!

Маленькую бандерольку запихали в почтовый ящик с таким усердием, что часть наклейки с адресом оказалась сорванной, а коричневая оберточная бумага в некоторых местах протерлась.

Олег молча смотрел на нее. Кот тоже. Даже хомячки перестали работать над повышением демографии и затихли.

Олег задумчиво потер подбородок. Он уже проверил все свои интернет-заказы и выяснил, что и «футболка лучших лайкра хлопка мужчины», и «губы носок удивительный подарок», и тем более «фонарь сзади белый свет лучший счастье тигр» уже к нему пришли. А больше он ничего не ожидал.

Олег вздохнул и развернул бандероль. Тихо ахнул.

Икнул и быстро завернул обратно.

В почтовом отделении из трех плафонов горел только один — и тот едва-едва, освещая лишь пятючок перед столом оператора. Тесная комнатка, забитая мрачными тенями, казалась совсем крохотной. В воздухе витали недовольство и напряжение.

Олег, осторожно держа завернутую в полотенце бандерольку, протолкался к аппарату с талончиками. «Не работает», — с трудом разобрал в полумраке надпись. Чуть ниже от руки было выведено: «Не пинать», «Не плевать», «В порядке живой очереди».

— В порядке живой очереди, — повторил над ухом Олега густой бас.

Громадный — метра два ростом — мужчина в темноте был практически неотличим от шкафа. Если бы он не заговорил, то Олег бы еще и прислонился к нему.

У стойки оператора началась какая-то движуха.

— Мне только спросить! — кричала, судя по голосу, бабка и, судя по звуку, колотила по полу клюкой.

— Всем только спросить! — отвечал ей слаженный хор.

— Вас много, а я одна! — доносилось из-за стойки.

Очередь двигалась медленно. Кто-то ходил туда-сюда, с мерным топотом — словно у него было шесть, а не две ноги — нагоняя на всех сон. Какая-то группа товарищей в одинаково полосатых куртках раскачивалась из стороны в сторону — и Олег ощутил приступ морской болезни...

Через час группа в полосатых куртках тоненькими, почти на уровне ультразвука, голосами спорила с оператором по поводу недоставленных извещений. Оператор намекала, что группа сама где-то профукала документы. Группа горестно охала и грозила пожаловаться в высшие инстанции.

Через два часа Олег вполуха слушал препирательства громилы с оператором.

— Коммунальные платежи пока не принимаем. Компьютер сломался.

— А по старинке, через кишку?

— Кишка в отпуске, выйдет через неделю. Ждать будете?

— Я не могу ждать! Мне воду отключат!

— Мы вам когда извещение присылали?

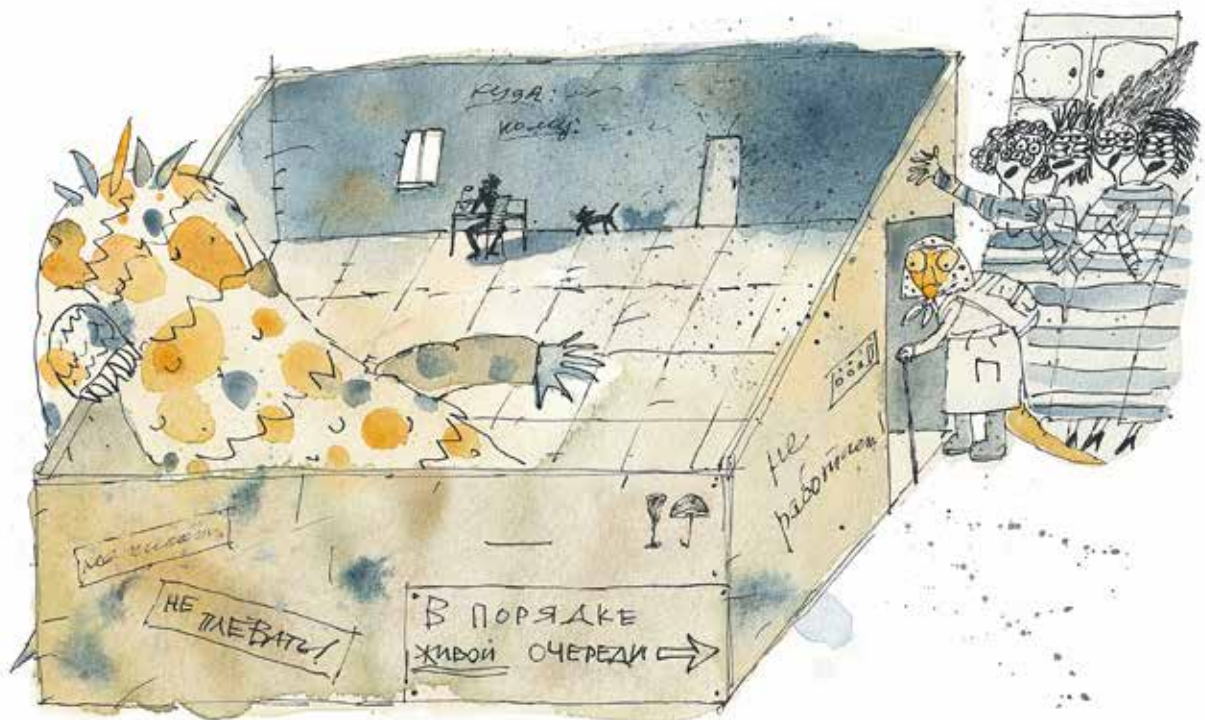
— Я не мог. У меня жена рожала.

— Ну не вы же сами?

— Я не могу рожать, у меня плоскостопие.

— Мужчина, не задерживайте очередь! Вам же сказали, что не принимают!

— Вот! — Олег протянул завернутую в полотенце бандерольку оператору. Он пытался рассмотреть лицо, но не мог — лишь только видел скрытую в полумраке бесформенную тень. — Ошибка какая-то. Засунули в почтовый ящ...

— Адрес ваш? Кроме вас еще кто-то проживает?

— Только кот и хомячки, — попытался пошутить Олег.

— Хомячки — корпоративные клиенты, это в отделение на проспекте Мира, а котами у нас Машенька занимается, сейчас ее позову. МАША!!! — заорала оператор так, что Олегу заложило уши.

В дверях появилось что-то колышущееся.

— Ты коту на улице Романенко приносила что-то?

— Какая квартира?

— Сорок пятая!

— Пару писем в прошлом месяце. И все.

— Слышали? — обратилась оператор к Олегу. — Значит, это вам.

— Что это вообще?

Он сунул бандероль ей под нос, стаскивая полотенце и разворачивая бумагу.

— А зачем вы накрыли фуфырика салфеткой? — спросила оператор.

— Кого? — не понял Олег.

— Ох ты ж, — вздохнула женщина рядом с ним. — До чего дожили, фуфыриками пользоваться не умеют.

Из подсобного помещения показалась тень рабочего, тащившего стремянку.

— Ходят тут, — буркнул он и сплюнул. — Будто в темноте не могут посидеть...

И вспыхнул свет.

У Олега подкосились ноги. Он бы схватился за стену, чтобы не упасть — но вокруг было слишком много... посетителей. Он бы схватился и за них — если бы они были людьми.

Группа в полосатых куртках оказалась существом с пятью головами и тремя туловищами, соединенными в районе таза. Оно осуждающе смотрело на Олега всеми пятнадцатью парами аккуратно подведенных глаз. Громила-шкаф и был настоящим шкафом — аккуратной секцией чешской стенки — точь-в-точь такая стояла когда-то у родителей Олега. Женщина рядом переливалась всеми цветами радуги и кокетливо подмигивала ресничками, растущими по всему телу. Спускающийся со стремянки рабочий был похож на унылого богомола в синей спецовке и с моноклем. А оператор за стойкой мрачно взирала на Олега, подперев подбородок всеми пятью руками.

И только бабка с клюкой была нормальной.

Бабушка, бабуля, такая родная и привычная, островок нормальности в этом безумном мире, куда по какой-то дикой прихоти занесла Олега Почта России.

Олег бросился к ней и вцепился в рукав.

— Бабулечка, — дрожащим голосом прошептал он, — к-кто это?

— Твари, — зло ответила бабка. — Я им — мне только спросить, а она — вас тут много, я одна! Все твари. И ты тоже, милоч.

Месяц спустя фуфырик уже вполне обжился в квартире Олега. По ночам он бойко шебуршился на кухне, обгладывая кактус и воруя наполнитель из кошачьего лотка. А однажды он открыл клетку с хомячками, и половина диаспоры ушла из квартиры Олега в поисках новой, лучшей жизни.

А сам Олег каждый день приходил на почту. Правда, никогда он больше не встречал ни колышущую Машу, ни многорукую операторшу, ни хоть кого-то из тех, виданных им в тот декабрьский день. Только раз, в магазине, он наткнулся на бабульку — но та резво катила украденную из супермаркета тележку, и Олег не догнал ее.

Так что он просто писал письма неизвестному соседу из параллельного мира. На тот же адрес, без имени.

И однажды ему пришел ответ.